

И.М. Минеева

Музеефикация как фактор интеграции и социокультурной адаптации археологического наследия

Ключевые слова: музеефикация, археология, археологическое наследие, музейное использование, социокультурная адаптация, интеграция, культура, объект наследия, культурная политика, Южный Урал.

Keywords: integration, social-cultural adaptation, archaeological heritage, museum, preservation.

В настоящее время наследие занимает все более заметные позиции в жизни общества. Происходит признание того факта, что культурное и природное наследие оказывает существенное влияние на формирование всей среды обитания человека – его социальную жизнь, политику, экономику, образование, экологию, духовный мир, межкультурные и этнокультурные коммуникации, психологию группы и личности. Это влияние проявляется на совершенно разных уровнях бытия – от государственно-правовой деятельности и фундаментальных научных исследований до формирования системы традиционных ценностей каждого человека в отдельности.

Роль наследия в жизни общества начинает осознаваться со все более возрастающей прогрессией. Особенно заметно эти процессы усилились на рубеже XX–XXI вв., что связано с преодолением идеологических унификаций советской эпохи. На передний план выдвинулся вопрос о возможности включения наследия в современную культуру страны, региона. В связи с этим актуальным становится тезис о преэминентности в культуре, о признании наследия как уникального фактора развития, о путях интеграции традиционных слоев культуры в жизнь современного общества, о чем еще в прошлом веке говорили Н. Бердяев, Д.С. Лихачев, Н. Федоров. В настоящее время наследие все чаще рассматривается как своеобразный код, с помощью которого историческая память включается в современные процессы жизнедеятельности общества [1, с. 15].

По мере расширения границ осознания наследия как части современного социокультурного пространства целесообразным является определение той роли, которую в нем выполняет археологическое наследие как древнейший компонент культуры. Эта роль во многом обусловлена качественной характеристикой самого археологического наследия, разнообразием его объектов.

Во-первых, археологическое наследие выступает прямым носителем информации о прошлом, причем максимально удаленным от настоящего времени, вплоть до сотен тысяч лет. Оно способствует вы-

явлению первоначальных исторических факторов, определяющих возникновение многих современных социально-экономических, культурных, политических, экологических и природных процессов. Другими словами, роль наследия заключается в сохранении и передаче исторической памяти.

Во-вторых, археологическое наследие, находясь одновременно в составе и природной, и историко-культурной среды, выполняет функции стабилизирующего фактора для развития региона, страны, общества, и в связи с этим выступает основой устойчивого развития всех систем, с ним связанных.

В-третьих, археологическое наследие как наиболее многочисленный и разнообразный компонент в составе всей системы наследия выполняет роль сохранения культурного разнообразия региона, страны, общества, препятствуя его унификации, слиянию в однородную безликую массу. А именно культурное, природное и территориальное разнообразие позволяет образовывать единство как наиболее устойчивый компонент культуры, имеющий резерв развития в условиях нивелирования национальных, региональных и других особенностей культуры отдельных социальных групп [2].

В-четвертых, археологическое наследие выступает фактором самоидентификации и социализации человека, позиционирования его в современном меняющемся мире через признание себя как результата и части глобальных, региональных и местных процессов развития природы и общества. Именно при выполнении этой роли наследие приобретает персонафицированные черты, стирая рамки времени и пространства. Следует отметить, что мера осознания этого фактора имеет очень широкие и нередко размытые границы в разных сообществах и у отдельных людей, тем не менее коллективная (групповая, национальная) идентичность присутствует на разных уровнях и в формах общественных отношений.

Кроме того, археологическое наследие выступает и важным инструментом для определения идентичности конкретной местности, признания ее самобытности и уникальности, отличающей ее от всех других. Определенные типы, виды и группы археологических памятников, их ландшафтное расположение всегда неповторимы в своем проявлении в условиях конкретного места и в связи с этим определяют его идентичность. Такое наследие можно считать определенной системой координат («картой звездного неба»),

в которой существует человек, позиционируя себя в культуре, пространстве и времени.

Определение роли наследия в жизни современного общества позволяет рассматривать его как значимую часть и своеобразный пласт актуальной культуры. Однако не все объекты наследия и не сразу автоматически включаются в актуальную культуру, создающуюся в процессе творческого взаимодействия многих поколений людей и природной среды. Часть объектов по ряду причин не приобретает необходимую широкую социальную значимость. Особенно это относится к ряду полностью руинированных и плохо сохранившихся археологических объектов, трудно поддающихся быстрому и непосредственному восприятию на местности через «взламывание» кода зашифрованной в них информации. Для подобной группы объектов наследия становится необходимой выработка эффективного интеграционного и адаптационного механизма для включения их в актуальную культуру, т.е. актуализацию.

Актуализация наследия предусматривает признание наследия как социальной, культурной и научной ценности, интегрированной в современные социокультурные процессы. Такое признание происходит путем адаптации объектов археологического наследия к условиям реальной социокультурной, экономической, политической и природной среды с помощью различных социальных средств. В этом процессе присутствуют два основных момента, на первый взгляд, разнонаправленного действия. С одной стороны, археологические объекты находятся в определенной изоляции от современного общества, фактически они оказались «отданными на откуп» научной археологической элите, которая выборочно, по своему усмотрению выявляет и использует их для сугубо научных построений, информация о которых практически не известна широкому кругу людей. Более того, большая часть этого наследия выступает как бы в омертвленном виде, в пассивных формах культуры на труднодоступных полках музейных хранилищ и архивов [3, с. 3]. С другой стороны, в конкретных местностях и регионах отдельные памятники – курганы, валы, городища, менгиры, пещеры и прочее – занимают свое, уже сложившееся и довольно заметное место в системе традиционной живой культуры, выступают объектами сакрализации, мифологизации, культурного и хозяйственного использования, сохраняются в качестве некоторых видов неформальной собственности (принадлежности территории племени, общины, рода, семьи). Иначе говоря, такие объекты не отчуждены от людей, они продолжают выступать важным компонентом системы ценностей как память поколений, память места. Такие объекты нередко выступают как неразрывная часть привычного (родного) пейзажа, определенная опорная, хорошо заметная точка в природной системе местности, по большому счету – как звено экосистемы

и регулирующий механизм традиционного землепользования. В качестве примера можно привести факты запрета на сенокосение и заготовку дров в местах старинных кладбищ и курганных могильников, соотносимых с родовыми некрополями, праздничных народных гуляний на площадках городищ, обрядовых жертвоприношений у подножий каменных курганных насыпей эпохи раннего железа и Средневековья, фиксируемые и поныне у башкир Южного Урала. Некоторые археологические объекты и археологизированные памятники более поздних времен сакрализованы и до сих пор являются местами мусульманского паломничества на Южном Урале. Они почитаются и охраняются как святые места, обносятся ограждениями и восстанавливаются на народные средства, как, например, могила Шагали Шокмана (середина XVI в.) на территории сельского кладбища Кагарманово Белорецкого района Республики Башкортостан [4]. Еще одним примером естественной формы интеграции древнейшего наследия в современную культуру являются многочисленные примеры сооружений каменных конструкций – менгиров, тур (*караскы* – башк.), кладок типа *обо*, так называемых квадратных каменных курганов, являющихся отражением древнейших форм языческих верований, связанных с сакрализацией гор Южного Урала. Традиция их сооружений сохраняется у местного населения вплоть до XIX–XX в.в., трансформируясь в современные реалии [5].

С учетом этих факторов процесс интеграции и социокультурной адаптации археологического наследия должен проходить комплексно, в тесной связи со всеми социокультурными, этническими, хозяйственно-экономическими, природно-ландшафтными и политико-административными составляющими среды. Такая адаптация является элементом деятельности, направленным на активное освоение имеющихся условий среды, путем использования принятых и уже сложившихся на данной территории способов социокультурного поведения и взаимодействия. Вместе с тем в процессе освоения среды наследие может оказать существенное влияние на изменение тех норм, ценностей и форм взаимодействия, к которым оно приспосабливается. При этом одновременно при условии успешной адаптации повышается значимость и ценность самого наследия, особенно его древнейших форм, расширяются горизонты развития общества, включающего в свою систему такие адаптированные объекты.

Одним из наиболее оптимальных способов интеграции и социокультурной адаптации археологического наследия является его музеефикация. Превращение объектов наследия в объект музейного использования позволяет проводить частичную и полную научную реконструкцию, восстановление памятников, организацию разных видов особо охраняемых историко-культурных территорий (археологических музеев-

заповедников) с экспозициями под открытым небом и максимально полным сохранением всей естественной окружающей среды. В рамках такого музейного использования удастся связать воедино наиболее древние пласты культуры, которые воплощены в объектах археологического наследия, и современную среду обитания человека. Специально созданная музейная среда в этом случае выступает своеобразной питательной субстанцией (агар-агар) для взращивания, «оживления» и интеграции археологического наследия в современную культуру, приспособлению к образу жизни современного человека. При этом музейная адаптация осуществляется одновременно по двум плоскостям – по форме и по сути. Форма адаптации предполагает построение разнообразных музейных комплексов, экспозиций, выставок, консервации раскопов, моделирования, реконструирования, организации осмотров памятников, экскурсий, туристических маршрутов, рекламы и пр. По сути адаптация приводит к вскрытию и трансляции социальных истоков памяти, поиску и установлению их взаимосвязи с местной историей, культурой, традициями, признанию и освоению наследия в качестве важного ресурса социокультурного развития местности, региона, страны.

Подобные подходы находят уже довольно широкое применение в зарубежной практике сохранения и использования археологического наследия, связанной с созданием различных археологических парков, археодомов, музеев *in situ*, культурных центров, которые стремятся к максимально полному включению в программы музеефикации археологического наследия разных элементов историко-культурной и природной среды [6, с. 173–176]. Среди них немаловажное значение занимает традиционная культура местного населения, сложившаяся в данной местности система представлений о древнейшем наследии, о способах природопользования, что во многом обусловлено влиянием идей экомuzeологии.

В нашей стране формирование подобного комплексного подхода к сохранению и музейному использованию археологического наследия находится в стадии формирования. Преимущественно вопросы музеефикации разрабатываются применительно к отдельным археологическим объектам, расположенным на территории музеев-заповедников. Пока еще музеи-заповедники рассматриваются как единственно возможная организационно-правовая форма учреждения, обеспечивающая сохранение и использование наследия, расположенного на определенной историко-культурной территории [7, с. 23]. Однако их развитие по пути профильного и типового разнообразия потенциально может привести к созданию системы разнообразных музеев-заповедников, включающих в программы своей деятельности разные формы музейного использования всего комплекса археоло-

гического наследия, расположенного на охраняемой территории, с учетом всех природно-ландшафтных и историко-культурных (этнографических, архитектурных, историко-индустриальных и пр.) компонентов среды. В значительной мере тенденцию этого направления в Южно-Уральском регионе определяют проекты создания историко-культурного заповедника «Аркаим» в Челябинской области и историко-археологического и ландшафтного музея-заповедника «Ирендык» в Башкортостане, ставящих перед собой задачу музеефикации всех элементов наследия как целостной системы.

В результате такого взаимодействия древнейших пластов наследия и современности, осуществляемого в рамках музейной деятельности, происходит стабилизация определенных качеств окружающей среды, в которой обитает человек. Кроме того, формируется новое отношение к памятникам и восприятие археологического наследия как «ожившей» исторической памяти. Подобное отношение к музеефикации археологического наследия позволяет на новом уровне решать проблему охраны памятников при организации современной культурной политики.

Концептуальное обоснование основных аспектов музеефикации, выступающей важным фактором интеграции и социокультурной адаптации археологического наследия, позволяет преодолеть тенденцию узконаправленного, «искаженного» понимания значения наследия, когда происходит необдуманное, стихийное и даже варварское вмешательство в традиционную культуру. Такое вмешательство происходит более или менее неосознанно со стороны деятелей науки, культурной политики, административных структур, действия которых по сути нередко препятствуют сохранению наследия. В качестве факторов, препятствующих сохранению и оптимальной адаптации археологического наследия, выступают в городах снос и разрушение археологических памятников, расположенных в местах современной застройки, разрушение археологического культурного слоя в исторической части города, отсутствие необходимого учета и картографирования объектов, обоснованных проектов их музеефикации, исключение мест расположения археологических объектов из экскурсионных и туристических маршрутов по городу и даже отсутствие разделов археологических экспозиций в городских музеях. В сельской местности этими факторами выступают депопуляция местного населения как носителей исторической памяти, запустение и разрушение домов, поселений, кладбищ, культовых сооружений, сакральных мест, а также слабо развитая инфраструктура и коммуникативные связи внутри сельских районов и с городом, несанкционированные свалки мусора и техники, места отдыха людей, бессистемная прокладка полевых дорог и проезд автомашин по площадкам археологических

памятников, выработка песка, гравия и камня с территорий памятника и пр. Особое место среди таких препятствующих факторов занимают варварские грабительские раскопки памятника с целью наживы и пополнения частных коллекций, стимулирующих черный рынок археологических материалов. При этом находятся средства и время для таких раскопок, в ход идет передовая техника – металлодетекторы, грейдеры, трактора [8]. Эти факты говорят о том, что само общество создает препятствия для эффективного сохранения и включения своего наследия в современную культуру легальным и обоснованным способом.

Вместе с тем такая ситуация провоцирует отдельных представителей общества (кладоискателей, «черных археологов», коллекционеров) быть лично причастными к древности, рассматривать археологические памятники как бесхозные и безнадзорные объекты, которые можно и даже нужно (!) присвоить без ущерба для государства, почти «спасти» от разрушения в земле. Очевидно, что в правовом государстве, выстраивающем свою политику по отношению к наследию с учетом всех социокультурных, экономических и духовных потребностей общества, такой ситуации возникнуть не может.

Библиографический список

1. Веденин, Ю.А. Основы географического подхода к изучению и сохранению наследия / Ю.А. Веденин // Наследие и современность : информ. сб. – Вып. 12. – М., 2004.
2. Перо, Ж. Музеи и глобализация, вызов XXI в. / Ж. Перо // Музей и общество. – Красноярск, 2001.
3. Лихачев, Д.С. Россия / Д.С. Лихачев // Литературная газета. – 1988. – №41.
4. Полевые материалы автора.
5. Петров, Ф.Н. Гора Чека: природный и сакральный объект Зауральской степи // Вестник Общества открытых исследований древности : научный альманах. – Вып. 2. – Челябинск, 2002.
6. Современный зарубежный и отечественный опыт музеефикации археологических памятников // История науки и техники. – 2007. – №12. Спецвып. 3.
7. Веденин, Ю.А. Государственная стратегия формирования системы достопримечательных мест, историко-культурных заповедников и музеев-заповедников в Российской Федерации / Ю.А. Веденин, П.М. Шульгин, О.Е. Штеле // Наследие и современность : информ. сб. – Вып. 13. – М., 2006.
8. Макаров Н.А. Грабительские раскопки как фактор уничтожения археологического наследия / Н.А. Макаров // Российская археология. – 2002. – №4.